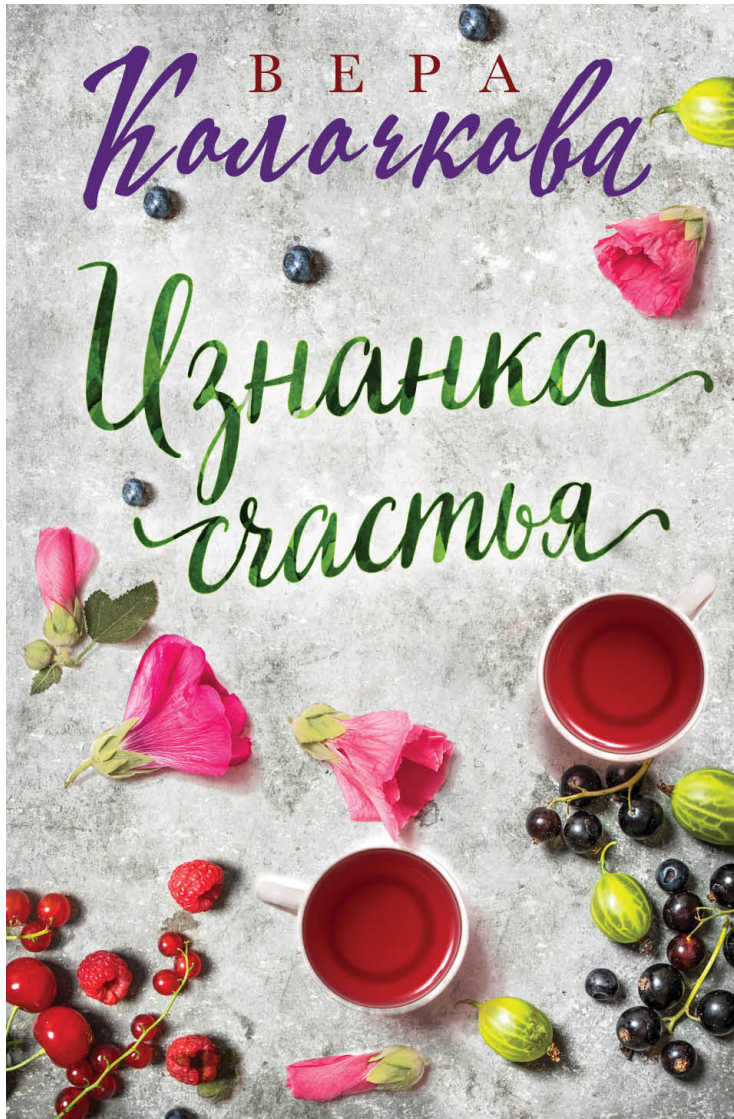

В Е Р А
Калачкава

Изниканка
счаства

Вера Александровна Колочкова
Изнанка счастья
Серия «О мечте, о любви, о судьбе»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28990534

Изнанка счастья : роман / Вера Колочкова: Издательство «Э»; Москва;

2018

ISBN 978-5-04-090897-4

Аннотация

У нее странное имя – Марсель. И брак у нее тоже странный: разница в возрасте с мужем, уважаемым хирургом, – тридцать пять лет. Выходя замуж, она не искала ни расчета, ни золота. Более того, сама напросилась в жены... Этот брак действительно оказался счастливым, и для пасынка Марсель стала хорошей мачехой. Мачехой-подругой... Ведь разница в возрасте с ним у нее невелика – всего-то восемь лет. И его другу Марсель тоже нравится... Счастье? Да, счастье. Но что оно прячет с изнанки? Что таит в себе неравный брак, соблазняемый юностью? И есть ли у Марсель право на искушение – почти преступное?

Содержание

Часть I	5
Часть II	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вера Колочкова

Изнанка счастья

*Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.*
А. Ахматова «О тебе вспоминаю я редко...»

© Колочкова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть I

Дверь тихо скрипнула, и на больничное крыльцо, освещенное слабой лампочкой, вышел Леонид Максимович, глянул исподлобья:

– Я закурю, можно?

Мара подняла глаза, посмотрела так, будто не поняла, о чем он ее спрашивает. Потом спохватилась, кивнула, проговорила быстро:

– Да-да, конечно. Курите, Леонид Максимович. Вы, наверное, за этим сюда и пришли.

– А ты зачем?

– Что – зачем?

– Ну. Я покурить вышел, а ты?

– А я просто так, воздухом подышать. В палате очень душно, а санитарка еще и пол помыла с какой-то вонючей дрянью.

– Это не дрянь, это хлорамин. Так положено в больницах по санитарным правилам.

– Да я знаю. Но все равно привыкнуть не могу. Кажется, что этот ваш хлорамин смертью пахнет, никак не могу отделаться от этого ощущения.

– Эка, смертью. Это ты, матушка, лишкухватила со своим ощущением. Нет уж, скорее, наоборот, жизнью пахнет. Я бы сказал, состояние духа бодрит и надежду вселяет. Ну, или

вроде того.

– Не знаю. Может быть. Может, просто привыкнуть надо. Но я привыкну, и к хлорамину тоже привыкну. Между прочим, я в медицинский институт после школы поступать хотела.

– А теперь что? Передумала?

– Нет. Наоборот. Я обязательно в медицинский поступлю и тоже буду врачом. Да вы садитесь, Леонид Максимович, садитесь.

– Да ладно, я постою. Ничего, не суетись.

Огонек сигареты вспыхнул так ярко, что выхватил на миг его прищуренный взгляд, направленный в сторону Мары. Хотя и не было во взгляде особого интереса. Наоборот, глаза были усталыми до степени крайнего равнодушия. И голос тоже был равнодушным. Такой голос бывает у интеллигентных людей, вынуждающих себя силой передвигаться по хлипкому мостику общения. Лучше идти, чем на месте стоять и смотреть вниз. И в данном случае... Очень хотелось просто стоять и курить молча, да интеллигентность не позволяла, и потому приходилось говорить о чем угодно, чтобы заполнить паузу.

– Слушай, давно спросить хочу. – снова заговорил он хрипловато, будто подгоняя себя натужным интересом в голосе. – Откуда у тебя такое странное имя – Марсель? Оно ведь, если я не ошибаюсь, мужское? И с женским именем никоим образом не интерпретируется?

– Нет, не ошибаетесь, оно действительно мужское, Леонид Максимович.

– Но ведь странно, согласись.

– Да, странно. А что делать? Не я имя себе выбирала, это мама такое придумала. Да и вообще, какая разница. Все равно меня все Марой зовут. И вы Марой зовите, если вам странно.

– Что ж, Мара так Мара. Тоже очень красиво. Но все равно интересно – почему Марсель?..

Мара пожала плечами, улыбнулась нехотя. Не улыбка вышла, а сплошное мучительное недоразумение. И правда, чего пристал? Стоял бы себе, курил да помалкивал... И ведь приходится отвечать на все вопросы, хотя и понятно, что ни сами вопросы, ни ответы на них ему по большому счету неинтересны. Зачем ему знать, например, откуда ее странное имя взялось? Что это изменит? Она для него – никто, всего лишь дочь очередной пациентки. Даже неприлично проявлять такой интерес к ее странному имени, не вписывается он в рамки типовой для данного случая беседы. И нагрубить тоже нельзя – все-таки врач рядом с ней сидит, уважаемый хирург Леонид Максимович Соколовский, который маме операцию делал. Вот лучше бы про маму и спрашивал.

Леонид Максимович глянул на нее коротко, потом проговорил задумчиво, выдохнув из носа клуб дыма:

– Я, кстати, знал одного татарина по имени Марсель. Большой был татарин, толстый, красивый. С усами. А ты ху-

дышка белобрысая да зеленоглазая, да плюс фамилия у тебя – Иванова. Диссонанс у меня, однако. Такой, знаешь... Самую малость любопытствующий, не до степени большого свинства. Почему вдруг девчонка – и тоже Марсель?

– Ну, я даже не знаю, что сказать... Сочувствую вам, Леонид Максимович. И вашему диссонансу тоже сочувствую, но ничем помочь не могу. По паспорту я действительно Марсель. А если полностью – Марсель Николаевна Иванова, и с этим фактом ничего не поделаешь. Конечно, мне бы лучше Марусей быть, но...

– Почему Марусей? – быстро глянул на нее Леонид Максимович и втянул в себя очередную порцию дыма.

– Да так. Просто имя больше к фамилии бы подошло. Маруся Иванова, и никакого диссонанса, правда?

– Не скажи. Мою жену как раз Марусей звали, а фамилия у нее – Соколовская. Хоть и мужнина фамилия досталась, но тоже вроде как диссонансом звучит.

– Да почему?... Нормально звучит. Или ваша жена имеет претензии к своему имени?

– Теперь уже нет. Теперь ей все равно, я думаю. Умерла она.

– Ой, простите. Я не знала. А давно?

– Недавно. Два месяца назад.

– Простите.

– Да ничего. Это ты извини, что я к тебе с дурацким вопросом пристал. Так откуда же все-таки взялось такое имя –

Марсель? Или это семейная тайна?

– Да нет никакой тайны, что вы. Я ж говорю – мама так решила в свое время. Она меня в поезде родила, и ни одного медика во всем составе не оказалось. А до ближайшей станции далеко еще было, не в глухой же тайге останавливаться? Все перепугались, в панику впали, бегали по вагону с криками – хоть кто-нибудь, помогите! Примите роды! Но ни одного смельчака так и не нашлось. Потом какой-то дядька чертыхнулся, соскочил с верхней полки и заорал – да что же такое, мать твою! Бабе помирать теперь, что ли? И сам бросился к маме. Она потом рассказывала, что я к нему в руки в этот момент и упала, и пуповину он сам перерезал, как мог. Еще и говорил при этом что-то бодрое, успокаивающее. Мама и лица его толком не запомнила, будто мимо проплыло. Только имя успела узнать – Марсель.

– Понятно. Значит, в честь своего спасителя назвала.

– Выходит, что так. Потом ее отговаривали, конечно, даже записывать не хотели – мол, зачем девочке такое странное имя, да еще и мужское? Но мама все равно на своем настояла. Такая уж она. Тихая, безответная, но если уж решит по-своему сделать... Ладно, я в палату пойду. Вдруг мама очнется, а меня рядом нет.

– Она не очнется, девочка. Она в коме. Я тебе уже говорил, что надо готовиться к худшему. Ты бы лучше поспала часок-другой, в палате свободное место есть. Потом тебе силы понадобятся. Поверь, я знаю, что говорю.

– Нет, что вы... Я боюсь спать. Я усну, а мама умрет... Без меня... Я уже вторую ночь не сплю. Вроде и глаза на мир смотрят, а голова, как пустой шар, ничего не соображает. И звук там такой... Будто каждую минуту струна лопается и боль волнами по телу идет. Не настоящая боль, а... Такая, которая хуже настоящей. И я уже ничего не чувствую от этой боли. Я даже плакать не могу, совсем отупела.

– Да я понимаю, понимаю. Так оно и бывает при таком раскладе. Сам недавно жену похоронил, она тоже из комы не вышла.

– Сочувствую. А сколько ей было?

– Да как твоей матери, сорок восемь, только жить да радоваться. Тоже сидел около нее и не спал, тоже боялся, что без меня уйдет.

– А скажите... Сколько еще маме осталось?

– Не знаю, детка.

– Леонид Максимович, вы можете мне всю правду сказать, как есть. Я выдержу. Это я с виду такая маленькая и хрупкая, а на самом деле совсем взрослая.

– Взрослая, говоришь? А сколько тебе годков, интересно?

– Неделю назад восемнадцать исполнилось.

– Ух ты. И впрямь, взрослее некуда.

– Так сколько маме осталось?

– Я думаю, не больше недели. Все днями решится. А может, ближайшими часами.

– Ой... Но как же так?

– Ты сама просила правду, вот тебе правда. И по правилам надо бы домой твою маму выписывать, все равно ей ничем уже не поможешь. И главврач тоже настаивает. Но ведь дома ты одна рядом с мамой окажешься? Я так понимаю, вы с мамой вдвоем жили, больше никого нет?

– Да, одна.

– Вот и я главврачу то же говорю – девчонка совсем одна. А он сердится. И его тоже можно понять. Мы ведь не сами показатели смертности по больнице придумываем, будь они неладны! Хотя – какие могут быть показатели в отделении онкологии? Такие же, как средняя температура по больнице. Прости, что балагурю на эту тему, но это от безысходности ситуации.

– Да, я понимаю. Если надо, то выписывайте, конечно.

– Да ничего ты не понимаешь, глупая девчонка! Ну как, как я твою маму выпишу? Что я, изверг, что ли? За ней дома уход нужен, а ты вот-вот в обморок упадешь от горя и недосыпа. Грохнешься дома рядом с кроватью и будешь валяться. Потом очнешься и проклинать меня станешь, я знаю.

– Не буду я вас проклинать. И домой тоже не хочу, мне страшно одной. Не выписывайте нас, пожалуйста! Прошу вас! То есть... Я и сама не знаю, что делать. Просить или не просить, не знаю.

– Ладно, не проси раньше времени. Мало ли, на чем главный врач настаивает. Он всегда на чем-нибудь настаивает, должность у него такая. Пойдем лучше я тебя чаем напою. И

бутербродец какой-никакой тебе сжевать не мешало бы. Могу предложить на выбор, с колбасой или сыром. Голодная, наверное?

– Не знаю. Да какой голод, я вообще ничего не чувствую. Ничего, кроме страха. Но чаю – это да. Чаю очень хочу. Можно даже не чаю, а просто кипятка глотнуть, чтобы ошпарить себя изнутри. Я там будто мертвая.

– Ладно, идем.

– Только я к маме в палату загляну. Посмотрю, как она.

– Иди. Я пока чай заварю и бутерброды настрогаю.

Потом они сидели в узком, похожем на пенал кабинете Леонида Максимовича, и он смотрел, как Мара жадно глотает горячий крепкий чай, ухватившись за кружку дрожащими пальцами.

– Бутерброд откуси хотя бы.

– Не хочу.

– А надо.

– Я не могу, Леонид Максимович, правда. Спасибо вам за чай, я согрелась немного.

– Ну и то хорошо. У тебя, кроме матери, кто еще из родственников есть?

– Никого нет. Бабушка умерла в прошлом году.

– А отец? Тоже умер?

– Нет, что вы. Он живой и здоровый, но его тоже. как бы нет.

– Это как?

– Ну... Он в другом городе живет, с другой женой. Вроде и дети у него есть.

– Вроде?

– Ну да. Я точно не знаю. Он, когда от мамы сбежал, особо о себе знать не давал. Мы ни адреса, ни телефона долго не знали. Правда, звонил года три назад, поздравлял меня с днем рождения. Тогда и телефон свой домашний оставил, просил тоже звонить. Но я так и не позвонила ни разу. Зачем человека лишний раз беспокоить?

– О как. Человека, значит.

– Да нет, я на него вовсе не обижаюсь! И вы не подумайте о нем плохо, он вполне нормальный человек. Ну, то есть... Если и впрямь в общечеловеческом смысле. И не от мамы он сбежал, а от бабушки, у него просто другого выхода не было. Да это вообще давно случилось, я еще маленькая была. Потом он приезжал, когда мне то ли двенадцать лет было, то ли тринадцать... Помню, здоровенную куклу привез, и очень смутился, когда меня увидел, почти взрослую девушку. Тогда тоже пытался со мной контакт наладить, помню, бумажку с адресом и телефоном дал. А бабушка опять его прогнала, и бумажку на его глазах порвала, и клочки ему в лицо бросила. И куклу эту обсмеяла, долго потом над ней изгалялась.

– Я вижу, ты бабушку-то не очень жалуешь. О покойниках так нельзя. Надо или хорошо, или никак.

– А если не получается ни то ни другое? Я бы вообще о ней не заговорила, если бы вы не спросили. Бабушка ведь

ужасной снобкой была и мамой командовала как хотела. И отец из-за нее сбежал, мама потом страдала. Любила его, я думаю. А только бабушка бы все равно им жить не дала, даже если бы они вместе сбежали. Знаете, как она отца называла? Проклятьем заклеянный, вот как.

– Это в каком же смысле, не понял?

– Ну это бабушка пролетарский гимн так в свою пользу интерпретировала. Подчеркивала, что папа такой. Низменный пролетарий.

– А, теперь понял. В смысле – вставай, проклятьем заклеянный? Весь мир голодных и рабов?

– Ну да, все правильно. Кипит наш разум возмущенный... Текст, значит, помните?

– Да я-то помню. Мне, слава богу, полтинник стукнул. Как свое пролетарское детство не помнить?

– Вам? Полтинник? Да ну. Мне показалось, вы моложе.

– Хм... Спасибо на добром слове. Да ты пей чай, остынет. Подлить еще горячего?

– Да, пожалуйста.

– Погоди, у меня где-то коробка конфет есть. Подарок от благодарного пациента. Сейчас найду.

– От кого? От благодарного пациента? Бывает, что от вас уходят с благодарностями?

– А ты как думала, всякое бывает. И очень часто.

– Значит, моей маме просто не повезло?

– Нет, у нее слишком далеко все зашло. Не получилось.

Если бы раньше хотя бы на полгода.

– Нет, Леонид Максимович, я думаю, не в этом дело.

– А в чем? – поднял он на Мару удивленные глаза.

– Я думаю, это не потому, что мама опоздала к вам обратиться. Я думаю, это ей бабушка так скомандовала – мол, иди за мной. Когда бабушка умерла, мама сразу болеть начала, я помню. Точно, это бабашка ее за собой позвала.

– Ну-ну, не нагоняй мистику. Так не бывает.

– Да вы откуда знаете, как бывает, как не бывает? Вы ж в маминой шкуре не были. И в моей не были. Да, точно, так и получилось, что бабушка маму к себе забирает... Я ж последние годы только и делаю, что этот процесс наблюдаю. Мама сгорела, как свечка, это правда. А я была рядом и ничем ей помочь не могла. Удивительно, как еще школу сумела с хорошим аттестатом закончить, потому что на уроки не ходила практически.

– Все время рядом с мамой была?

– Ну да. Надо ведь было еще и деньги добывать на лечение.

– И где ж ты их добывала?

– А я в бабушкиных вещах шкатулку нашла. Красивая такая, старинная. А там колечки всякие, сережки. Помню, первый раз понесла кольцо в скупку, тряслась, как осиновый лист. У оценщика чуть лупа из рук не выпала, когда он камень разглядел. Дорогой, наверное. И мне показалось тогда, что денег он страшно много отвалил. Теперь понимаю – об-

манул, наверное.

– Почему?

– А в других скупках мне больше потом за цацки из бабушкиной шкатулки давали. Но то колечко было особенное, старинное, с большим камнем. Он так сиял, что глазам холодно становилось. Наверное, не зря бабушка отца презирала, было в этом что-то... Да, было... Я думаю, это отголоски классовой ненависти в ней говорили. Хотя она никогда о себе ничего не рассказывала. Спросишь – лишь губы подожмет и злится.

– Наверное, из дворян была? Голубых кровей?

– Да не... Я думаю, из купеческих, но из очень состоятельных. Потому что те, в ком хоть немного голубой крови осталось, так злобно себя не ведут и детей своих не уничтожают.

– Да ладно, сама-то не злилась. Видишь, помогли тебе бабушкины драгоценности в трудную минуту.

– Да чем они помогли? Сколько их ушло на знахарей, на лекарства, но все равно без толку. Ладно, мне трудно об этом говорить, я и впрямь злиться начинаю. Вы правы, на покойников злиться нельзя. Спасибо за чай, я к маме пойду.

Мара подскочила со стула, быстро пошла из кабинета. У двери обернулась, глянула на Леонида Максимовича, проговорила с отчаянием:

– Ну неужели ничего, вообще ничего нельзя сделать? Ведь так не бывает. Вы же хороший врач, вы самый хороший хирург, я знаю, мне говорили! Неужели ничего нельзя сделать?

Вон, с нового года в новый двадцать первый век шагнем! Везде только и твердят – миллениум, миллениум! А что толку от этого миллениума, если люди умирают. Ну неужели нельзя.

– Выходит, нельзя. Прости меня, девочка. Хоть шагай в двадцать первый век, хоть в двадцатом оставайся. Этой проклятой заразе все равно, в каком веке человек живет. Иди, девочка, иди, побудь еще рядом с мамой, не выворачивай себе заранее душу наизнанку. Силы береги.

Мама умерла утром, вместе с первыми лучами солнца и заполошным пением птиц. Марсель сразу поняла, что она умерла. Лицо у мамы сделалось ровным, гладким и молодым. Почти счастливым.

Потом Марсель снова сидела в кабинете Леонида Максимовича, смотрела в солнечное окно, не мигая. И снова не слышала, что он ей говорил. Потом оторвала взгляд от окна, сморгнула слезу и сощурилась болезненно:

– Простите, Леонид Максимович. Повторите еще раз, пожалуйста, я не поняла ничего.

– Домой иди, говорю. Тебе поспать надо хотя бы пару часов. Иначе не выдержишь! Дома хватани успокоительного и падай спать. Поняла?

– Нет. То есть да, поняла, мне надо идти домой. Но я не пойду домой, Леонид Максимович. Я не могу. Не могу домой.

– Почему?

Марсель глянула на него так, будто изумилась, отчего он не понимает таких простых вещей. Потянула вперед ладони, приготовившись к объяснению, но вместо этого задохнулась от слезного спазма, быстро замотала головой, прикрыв глаза бледными, почти прозрачными веками. Потом с силой втянула в себя воздух, проговорила хрипло:

– Не могу домой. Там. Там мама еще живая была. Не могу, не могу.

Леонид Максимович пожал плечами, задумчиво потер ладонью небритую щеку:

– Ну ладно, если не можешь... Иди, куда можешь. К подруге какой, например. Тебе в любом случае поспать надо. Две ночи не спать – это и сильному организму трудно вынести, а тебе... Да на тебя сейчас ветерок подует, и сваляешься. Есть у тебя подруга, к которой можно пойти?

– Подруга? Да, есть подруга, только она сейчас в другом городе. В институт поступила и уехала.

– А еще?

– Нет. Я не знаю. Никого у меня нет. Можно, я тут посплю, в вашем кабинете?

– Здравсьте, приехали. Утро уже, сейчас тут народ будет сновать туда-сюда. Шла бы ты лучше домой, а? Все равно ведь придется идти домой, никуда не денешься.

– Я не могу. Правда, не могу.

Она сидела, вся сжавшись и сунув ладошки меж коленок, будто пыталась унять мелкую дрожь. Потом подняла на него

светло-зеленые глаза, в которых переливались ледяными искрами паника и ужас. И вся она была сплошная светло-зеленая паника – даже заплакать не могла. Хоть подходи да бей по щекам, чтобы в себя пришла. Но как бить-то? Ударишь для пользы дела – а она со стула кувыркнется. Расшибется ведь к чертовой матери.

– Ты давай мне тут не умирай. Того и гляди, глаза закатаешь. Не знаю даже, что и делать с тобой. К себе домой, что ли, отправить? Тут недалеко, за углом, три минуты ходу, не больше. Пойдешь?

– Я? К вам домой?

– Ну да. Других вариантов пока не вижу. А что прикажешь делать? Смотреть, как ты в обморок падаешь? Откачивай тебя потом. Нет, я понимаю, конечно, что у тебя горе, но поспать все равно надо. Организму надо, слышишь?

– Да, я слышу.

– Тогда бери ключи и шагай на автопилоте. Как с крыльца спустишься, сразу направо повернешь. До угла дойдешь, увидишь арку во двор, ныряй в нее. Дом, который справа, первый подъезд, четвертый этаж, квартира шестнадцать... Запомнила?

– Да.

– Повтори.

– Сначала направо, потом в арку, дом справа, первый подъезд, квартира шестнадцать.

– Молодец, иди. Не заблудишься. Да и негде блудить вро-

де. Но я на всякий случай в окно смотреть буду, пока ты в арку не зайдешь. Или попросить кого, чтобы проводили?

— Нет, я сама.

— Ну, сама так сама. Только в квартиру заходи тихо, Юрку не разбуди, ему до школы еще больше часа можно спать. Заходи в гостиную и падай на диван. Подушка там есть, плед на кресле валяется, им укроешься. Иди спи... Сейчас половина шестого, в двенадцать я тебя разбужу, когда со смены приду. Да, вот еще что! К семи часам соседка должна прийти, Юрку в школу собирать. Ты скажи ей... Или ладно, ничего не говори, лежи и спи. Я сам ей позвоню, предупрежу, чтобы она тебя не беспокоила. Ну, все вроде, иди...

Марсель послушно поднялась со стула, взяла протянутые Леонидом Максимовичем ключи. Подняла на него заплаканные от горя глаза, прошептала едва слышно:

— Спасибо вам.

— Да не за что. Иди давай, время пошло. Чем раньше упадешь на диван, тем лучше.

Потом он стоял у окна, упираясь пальцами в подоконник и неловко выворачивая шею, глядел, идет ли Марсель в заданном направлении. И вздохнул, когда она шагнула в арку. Теперь уж сама. Замок в двери хороший, легко открывается. Если только руки не затрясутся от бессилия. Ужас как жалко бедолагу. И как будет жить одна, без отца, без матери, пигалица белобрысая?

Дверь кабинета открылась, и голос уборщицы тети Паши

прозвучал вежливо, но довольно настойчиво:

– Вы бы вышли на пять минут, Леонид Максимыч. Мне пол помыть надо.

– А чего так рано, тетя Паш? У вас и дежурство еще не начиналось.

– Да я решила пораньше. Все равно не спится, чего зря время терять. И потом, когда народу прибудет, в суете да толкотне не мытье, а сплошные нервы получают. Иди, покури, я быстро.

– Иду, тетя Паш. Зажигалку потерял.

– Да вон, на столе лежит!

– Ага, вижу.

– Ты как, отошел немного от горя-то? А то уж наши девки на тебя планы строят. Мария уж два месяца как померла, царствие ей небесное, вечный покой.

– Не понял. Какие планы на меня строят?

– Ой, не понял, гляди-ка! Глаза-то выпучил! Будто и впрямь не понимает! Ты ж у нас нынче завидный вдовец, а одиноких баб в больнице – хоть пруд пруди. Поди, давно присмотрел какую? Хотя. Я уж тебя не первый год знаю, ты свою Марусю шибко любил, царствие ей небесное, земля пухом. Красавица она у тебя была, умница. Теперь на абы кого не обзаришься. Разве твоей Марусе среди наших ровню найдешь? Ладно, иди, иди, не ругайся на меня, старуху. Мало ли, взболтну чего, а ты не сердись. Иди кури, чего в дверях застыл? Всего уж себя прокурил от горя. Но кури, не кури,

а бабу под бок все равно надо искать. Без бабы плохо, оно понятно. Может, присоветовать тебе кого? Есть у меня одна знакомая разведенка, вроде приличная женщина. И молодая.

– Не надо, тетя Паш. Я сам разберусь.

– Ага, знаю я, как ты разберешься. Так и будешь сидеть бобылем. Говорю же – ты не из таких, которые в этих делах прыгучи да липучи. Чего скалишься-то, чего? Э-эх. Пока скалишься, и годы пройдут. Ладно, иди.

* * *

Марсель тихо открыла дверь, на цыпочках вошла в прихожую, огляделась, пытаясь сообразить, которая дверь ведет в гостиную. Наверняка вот эта, настежь распахнутая. Да, это и есть гостиная, наверное... И диван с подушками. И плед на кресло небрежно кинут. Все, как говорил Леонид Максимович. Надо лечь на диван, сверху накрыться пледом. И спать. Да, очень хочется спать. До изнеможения, до тошноты. И круги перед глазами начали плясать, красные, зеленые, оранжевые... Еще бы до дивана дойти, не упасть на ковер посреди комнаты.

– Эй, ты кто? – послышался за спиной испуганный до петушиного фальцета мальчишеский голос.

Марсель вздрогнула, обернулась. Круги перед глазами на секунду замедлили свое страшное вращение, и отчетливо удалось разглядеть мальчишку с острыми коленками, остры-

ми плечами и рыжим вихорком надо лбом.

– Чего смотришь? Ты кто, спрашиваю? И как сюда попала?

– Так мне Леонид Максимович... Ключи дал... – ответила Марсель, разведя руки в стороны.

– Зачем?

– Чтобы я спала. В больнице он не разрешил спать, сказал, иди ко мне домой и поспи..

– Понятно. А ты кто вообще?

– Я? Я никто... У меня мама умерла. Час назад. А тебя ведь Юрой зовут? Ты сын Леонида Максимовича?

– Да.

– А я Марсель.

– Марсель? Никогда не слышал такого имени.

– Можно просто – Мара. Ты извини, я вообще плохо сообщаю сейчас. Я даже плакать не могу, представляешь? Ничего не чувствую. В голове мутно, круги перед глазами плавают. Я две ночи не спала, и Леонид Максимович сказал, что надо обязательно поспать. Ой, я не то все говорю, наверное.

– Да чего... Все нормально говоришь. Что я, не понимаю? Ладно... Ложись давай, спи.

Мальчишка зевнул, сонно почесал живот, другой рукой пригладил вихорок надо лбом. Помолчал, потом добавил сочувственно:

– У меня тоже мама умерла, два месяца назад.

– Да, я знаю. Леонид Максимович говорил.

– Болела она. Долго болела. Целый год с постели не вставала. Да ты ложись, ложись... Если папа сказал – надо спать, значит, и впрямь надо спать. Тебе постелить, наверное, надо? Только я не знаю, где взять. Не проснулся еще.

– Не надо. Я так лягу. Вот, только пледом укуруюсь. А ты иди к себе досыпай. Леонид Максимович сказал, чтобы я тебя не будила, что тебе еще целый час можно... Спать...

Марсель тут же провалилась в глубокий сон, так и не успев натянуть на себя плед. Юра подошел на цыпочках, неловко укрыл ее, вздохнул тяжело. Потом поежился, обнял себя руками, поплелся к себе в комнату – досыпать.

А через час сонную тишину квартиры нарушил дверной звонок, Юра быстро примчался в прихожую, быстро распахнул дверь и прошептал испуганно:

– Тихо, тетя Тань. Человека разбудите.

– Какого человека, Юрик? Ночью кто-то приехал? И кто же, интересно знать?

– Да никто не приехал. Это от папы, из больницы. И не ночью, а утром уже.

– Кто – из больницы? Не поняла...

– Это Марсель.

– Марсель? Кто это – Марсель? И где он?

– Не он, а она. Вон, в гостиной на диване спит. Ей маму хоронить надо.

– Понятно. Хотя, если честно, я ничего не поняла, Юрочка. Почему она спит, если ей маму хоронить надо? И поче-

му она спит именно здесь? Ты уверен, что ее папа сюда прислал? Зачем ему понадобилось впускать в свою квартиру совершенно постороннего человека?

– Да откуда я знаю, тетя Тань? Вы сразу столько вопросов задаете. Я только знаю, что папа ей ключи сам дал и велел спать.

– Да? Ну ладно. Понятно. Просто всякое бывает, знаешь ли.

– Вы не будите ее, пожалуйста. И вообще. Спасибо, тетя Тань. Я уже сам проснулся и сам в школу соберусь, не маленький.

– Но я думала, мы вместе позавтракаем. Я сырники принесла. Пойдем на кухню, чайник поставим.

Пока Юра думал, что бы такое ответить, чтобы отказаться от совместного чаепития, добрая тетя Таня уже прошла на кухню, по пути мельком взглянув в открытую дверь гостиной и озадаченно хмыкнув:

– Странно, странно. Леонид Максимович меня даже не предупредил ни о какой... Как ее зовут, я не поняла?

– Марсель.

– Чудное имя для женщины. Ты не находишь, Юрочка?

– Она не женщина, она девушка.

– Но почему твой папа меня не предупредил?

– Он забыл, наверное. Когда много работы, он часто обо всем забывает. Я уж привык. И вы на него тоже не обижайтесь, пожалуйста.

– Ну что ты, Юрочка. Разве я могу обижаться на твоего папу. Он у тебя такой хороший человек. Такой замечательный врач. Добрый и отзывчивый, как выяснилось. Ты ешь сырники, Юрочка. Ешь. Очень вкусные, я старалась. Тебе ведь нравится, как я готовлю, правда?

– Да ничего.

– Ешь, ешь. А все-таки, Юрочка... Я так до конца и не уяснила, чего это вдруг Леонид Максимович именно эту де-вушку в дом впустил?

– Так я ж вам объясняю, тетя Тань. Она две ночи не спала, ей обязательно поспать надо. У нее сегодня мама умерла.

– А, теперь понятно. Я вот все время поражаюсь, Юрочка, – какой у тебя папа добрый. Просто не по-человечески добрый. Золото, а не человек. И все время работает, работает на износ. И пожалуй его некому...

– Как это – некому? Вы чего, тетя Тань? А я?

– Ну, ты... Ты – это другое дело.

– Спасибо, тетя Тань, я наелся. Очень вкусные сырники. Вы извините, мне в школу пора собираться.

– Так я помогу.

– Нет, я сам. Я не маленький.

– Хорошо, Юрочка, я уйду. Какой же ты... Я ведь от души хочу помочь. А ты меня отвергаешь.

– Я – отвергаю? Как это? Я же сырники съел и спасибо сказал. Как это я вас отвергаю? Скажете тоже!

– Ладно, Юрочка, я пойду. В школу не опоздай.

– Не опоздаю, тетя Тань. Спасибо.

Когда добрая тетя Таня ушла, еще раз досадно скосив глаза в открытую дверь гостиной, Юрий тихо собрался, тихо вышел из квартиры, стараясь не щелкнуть замком. Но он все равно щелкнул, и Юрий поморщился недовольно – проснется, наверное.

Но Марсель спала крепко. Спала до полудня, пока не пришел с дежурства Леонид Максимович и не разбудил ее, тряхнув за плечо:

– Вставай. Давай, давай, просыпайся. Немного сил набралась, и хорошо. Иди умывайся и приходи на кухню, я тебя накормлю. Кажется, борщ в холодильнике был, соседка вчера приносила. Или яичницу с колбасой сделаю. Ну чего ты на меня тарачишься? Давай, давай, поднимайся.

Когда Марсель с умытым, горестно сосредоточенным и бледным лицом появилась на кухне, он заговорил с ходу, показав ей на стул:

– Садись, ешь и слушай. И учти, плакать некогда, плакать потом будешь, а сейчас надо похоронами заниматься. Я понимаю, что ты одна, но что делать? Не бойся, я тебе помогу. Сейчас напишу на бумажке, какие документы надо собрать и куда что нести. Можно, конечно, в похоронное агентство сунуться, там тебя оближут и любое желание выполнят, какое захочешь, да только на эти дела много денег потребуется. А у тебя их нет, как я понял.

– Да, денег больше нет, – стыдливо подтвердила Мар-

сель. — Я последнее колечко из бабушкиной шкатулки давно продала.

— Понятно. И у меня денег нет. Значит, будем обходиться своими силами, то есть хоронить бедно, скромно, но с достоинством. Придется тебе самой побегать по инстанциям, конечно, а что делать? Прямо сейчас и начнешь, пока я буду спать после дежурства. Я бы с тобой побежал, но не могу, с ног валюсь от усталости, так что не взыщи. Я тебе напишу, куда в первую очередь бежать надо. И отца твоего обязательно вызвать надо. Телефон его найдешь? Ты вроде говорила, что он телефон оставлял?

— Да... Да, найду.

— Позвони ему. Или лучше мне номер телефона продиктуешь, я сам ему позвоню, так надежнее будет. Прямо сейчас и позвоню.

— А у меня сейчас нет. Надо домой забежать, он там, в записной книжке.

— Вот и забежишь домой. А оттуда мне позвонишь и продиктуешь.

— Но вы же сами сказали, что спать после дежурства будете.

— Ничего, я проснусь. Телефон около кровати поставлю. Ну что смотришь?

— Скажите, Леонид Максимович... Почему вы обо мне заботитесь? Ключи от квартиры так просто дали, теперь есть заставляете. И отцу сами решили звонить. Почему?

– Ну, ключи... Ключей жалко, что ли? И потом, я ж тебя отсылал домой, ты сама ни в какую не пошла. Да и еды тоже не жалко, если уж на то пошло. А с отцом твоим так поговорить надо, чтобы он приехал и помог. Ты сама начнешь рыдать в трубку, и что? Он возьмет и пустым соболезнаванием отделается, а оно денег не стоит! Надо, чтобы он тебе материально помог. Похороны, хоть и скромные, а все равно порядочных денег требуют. Поняла?

– Поняла... И все-таки... Почему?

– Фу ты, настырная какая. Да потому, что я добрый! Просто добрый, и все. И страдаю от этого всю жизнь. А ты что хотела услышать?

– Да так... Ничего.

– А если ничего, так и делай, что тебе говорят, потому что сама вряд ли справишься. И вообще, не к месту и не ко времени вопросы задаешь. Да и некогда тебе их задавать, ешь лучше. Знаешь, впереди беготни сколько? Надо, чтоб обязательно силы были. И чем больше, тем лучше. А вопросы задавать потом будешь, если они останутся. И вообще, не морочь мне голову, я на ходу засыпаю. И не забудь – жду твоего звонка.

* * *

Отец Марсель приехал в тот же день поздним вечером, позвонил с вокзального телефона-автомата, как и договорился

предварительно с Леонидом Максимовичем. И задал в трубку дурацкий вопрос:

– Скажите, я туда позвонил?

Леонид Максимович удивленно поднял брови, потом сообразил, что человек, задающий в трубку дурацкий вопрос, и есть, стало быть, Николай Петрович Иванов, отец Марсель.

– Это ведь вы мне утром звонили, правильно?

– Да, это я вам утром звонил, Николай Петрович. А вы приехали? Где находитесь?

– На вокзале.

– Приезжайте ко мне. Садитесь на тридцать второй автобус, он часто ходит, езжайте до конечной остановки. Там по адресу найдете. Я ведь вам продиктовал утром адрес?

– Да. Только я не понял – вы кто? Вы новый муж моей бывшей жены? То есть... Были мужем бывшей покойной жены?

– Нет, вы неправильно поняли. Я не муж, я врач. Я лечил вашу жену. То есть бывшую жену.

– Врач?

– Ну да. А что вас так удивляет?

– Да нет, ничего... А только... Вы ей кем приходились-то?

– Я ж говорю – врачом.

– И все?

– И все.

– Тогда вообще ничего не понимаю. А Мара. Она тоже у вас? То есть... Я хотел спросить – как это?..

– Приезжайте, Николай Петрович, на месте будем разбираться, кто есть кто. Видимо, у вас это семейное – уж больно любите вопросы задавать, причем не к месту и не ко времени.

– В смысле?

– Да какой тут может быть смысл?.. Экий же вы дотошный, Николай Петрович. Приезжайте, я все объясню на месте.

Через час Николай Петрович переступил порог его квартиры, настороженно глядя исподлобья и протягивая ладонь:

– Будем знакомы, выходит?

Ладонь у Николая Петровича оказалась плоской, холодной и шершавой, как наждачная бумага. Леониду Максимо-вичу сразу вспомнился рассказ Марсель про ее бабуку, как та называла нелюбимого зятя – «проклятьем заклеянный». Да, не отказать было той бабуке в наблюдательности. Было, было что-то в облике Николая Петровича истинно пролетарское, готовое в любую секунду склониться к земле и нащупать булыжник, чтобы запустить его в голову любому представителю «мира насилия». Тлела в настороженных глазах искорка классовой ненависти к буржуям и всякого рода подозрительной интеллигенции, которую на данный момент представлял гостеприимно улыбающийся Леонид Максимович.

– Проходите на кухню, Николай Петрович, я пельмени сварил. Руки можно в ванной помыть.

Когда уселись за стол и выпили по рюмке водки, не чокаясь, и закусили первым пельменем, Леонид Максимович проговорил со всей решительностью:

– Хорошо, что Марсель пока не пришла, успеем обсудить дела наши скорбные.

– А где она? Марсель-то?

– Так по скорбным делам и бегают.

– Не, а чего со мной обсуждать-то? Вот он я, приехал, с работы кое-как отпросился, отпуск без сохранения заработной платы пришлось оформить. Тоже, знаете ли, проблема. Нынче никто в чужие проблемы вникать не хочет, если стоит у тебя смена по графику, морду всмятку разбей, но выйди и отпаши, как положено. А я вот он, приехал. И с похоронами помогу, конечно. И денег тоже привез. Немного, но сколько собрал. Мы люди скромные, счетов в банках и домов с «Мерседесами» не имеем.

– Ну, это понятно. И на том спасибо. Только я не о деньгах поговорить хотел, хотя и о них тоже. Куда ж без них? Я о вашей дочери хотел поговорить.

– А что такое? Вроде все с ней раньше в порядке было. Правда, я ее давно не видел, уж и забыл, как она выглядит, не узнаю, поди, как увижу. Но не моя вина.

– Да вас никто и не обвиняет, Николай Петрович. Тем более что с вашей дочерью действительно все в порядке, если не считать того, что без матери осталась. А ведь ей всего восемнадцать лет. Причем, как мне показалось, и в свои восем-

надцать она суший ребенок. Вон, даже домой боится идти, потому что там никого нет. А мать умерла.

– Ну, это уж глупости, я вам скажу. Баловство. Кого бояться-то? Мать-покойницу, что ли? Так нынче живых надо бояться, а не мертвых.

– Так-то оно так, но... Вы должны ее понять, проявить понимание и сочувствие. Вы же отец все-таки.

– А что я? Я ж не отказываюсь. Вы толком объясните, что нужно сделать, чтобы все понятно было, а то я человек простой, не понимаю этих ваших разговоров вокруг да около. Вы конкретно скажите, что от меня требуется. Чтобы все ясно стало.

– Ну, если конкретно. Понимаете, Николай Петрович. Смерть матери – это очень большая травма для вашей дочери. Очень большая.

– Фу ты, опять за рыбу деньги! Конечно, травма, кто спорить-то собирается? Все мы когда-то родителей хороним, у всех травма. Жизнь есть жизнь, чего вокруг нее лишние кружева развешивать?

– Да, согласен. Кружева, может, и ни к чему. И смерть близкого человека для всех горе и травма, но все справляются с горем по-разному. Мне кажется, что нельзя вашу дочь сразу окунать в одиночество, как в омут с головой. Ей это труднее, чем другим. Она более ранимая, чем другие. Не знаю, мне так показалось. Даже рука не поднялась на своем настоять, когда она домой идти не хотела. Вот, ключи от сво-

ей квартиры дал, чтобы здесь хоть немного в себя пришла. Она ведь одна, как я понял. У нее никого, кроме вас, нет. Ни подруг, ни знакомых. Совсем одна.

– Конечно, одна. С такой бабкой, какая у нее была, и подруг хороших не заимеешь. Она ж никого в дом не пускала, зараза такая. И мне вместе с женой и дочкой жить не дала. Эх, да что говорить, все равно не поймете! Это пережить надо, чтобы понять.

Николай Петрович задумчиво придвинул к себе графин с водкой, налил в рюмки и выпил, не дожидаясь приглашения хозяина. Промокнул губы тыльной стороной ладони и произнес настороженно:

– И все-таки, не пойму я вас с вашими подходами? Не пойму, куда вы клоните. Вот не пойму, и все!

– Ну, тогда я вам прямо скажу, Николай Петрович. Может, вы пригласите Марсель пожить какое-то время в своей семье? Ну, чтобы люди рядом были, чтобы она в разговорах была, в суете, в движении жизни...

– Ой, да какое у нас движение, скажете тоже! С работы да на работу, да уроки у детей проверить, да пообедать-поужинать. Ну, по весне в земле еще копаемся, участок у нас за городом в коллективном саду. А летом прополка-поливка, да заготовки на зиму. Тоже мне, движение жизни нашли!

– Так это и есть самое оно, то есть настоящее движение, Николай Петрович. Это все равно лучше, чем одной в квартире сидеть, где недавно мать умирала! Это лучше, уверяю

вас!

– Ну, если так обстоит дело... Что ж, пусть живет, сколько ей надобно, я не против. Давай-ка еще за это выпьем по маленькой. Добрый ты человек, да... Заботишься о сироте, значит. Нынче доброго-то человека днем с огнем не сыщешь, уж я-то знаю, что говорю.

Марсель застала отца уже изрядно выпившим, глянула со стыдливой досадой, садясь за стол. Однако Николай Петрович ее досады не заметил вовсе, потянул руку, намереваясь погладить по голове:

– Ух ты, какая... А как выросла-то, доченька. Встретил бы, не узнал. И глазки мамкины, зеленые, как трава, и личико беленькое. А родинка на виске моя отпечаталась, гляди-ка! И веснушки на носу никуда не делись.

– Не надо, папа. Пожалуйста... – отстранилась от его неуклюжей ласки Марсель.

– Ну не надо так не надо. Как скажешь. Стыдишься отца, да?

– Нет, почему, – нервно пожала плечами девушка, отведя взгляд.

– Стыдишься, стыдишься. Что я, не вижу? Все вы меня стыдились. И бабка твоя, и мать.

– Не надо сейчас про маму, папа. Пожалуйста.

– А я чего? Я ничего. Я только правду. Да я и не обижаюсь, чего ты. Что было, то было поросло. Видишь, приехал вот. Попрощаться с твоей мамкой по-человечески, с похоронами

помочь. И денег привез, хоть и немного, но сколько собрал. А если что не так сказал, ты уж извини меня, дурака. Я всяким душевным тонкостям не обучен, сама знаешь. Да еще и устал с дороги. Я ведь после ночной смены не спал, сразу на вокзал помчался. Голова уже ничего не соображает. Того и гляди, засну прямо за столом.

Марсель кивнула, глянула на Леонида Максимовича, будто просила помощи. Тот с готовностью поднялся из-за стола:

– Сейчас я раскладушку принесу и белье. Его и впрямь уложить надо.

– Да, если можно... – виновато улыбнулась Марсель – Понимаете, ему совсем пить нельзя, он сразу такой становится. Неловкий...

– Ну да, ну да. Неловкий я, говоришь? Ишь. И ты такая же выросла, я вижу, – горько вздохнул Николай Петрович, пытаясь положить подбородок в подставленный ковшик ладони. Но попытка не удалась, и подбородок скользнул мимо, отчего Николай Петрович вздохнул и того горше: – Да, ты такая же, как твоя бабка. Тоже меня презираешь. А я вот приехал, между прочим. По первому зову приехал! А ты гордая, да?

– Пап. Ты вставай из-за стола и раздевайся пока. Я быстро постелю, и спать ляжешь, – устало проговорила Марсель и поморщилась болезненно.

Так и сидела потом – с тенью болезненности на лице, пока Леонид Максимович возился с раскладушкой. Хотела было

помочь отцу, но тот запротестовал:

– Не надо, я сам... Я вот лягу сейчас и спать буду, и не услышишь меня... Надо же, гордая какая... А я вот приехал...

Вскоре его бормотание стихло, сменившись тяжелым храпом. Леонид Максимович вздохнул, сел напротив Марсель, спросил сочувственно:

– Ты голодная, наверное? Хочешь, пельмени сварю?

– Нет, я не голодная. Правда.

– Ну, тогда давай докладывай, чего ты там набегала. Завтра вместе побегим, завтра у меня свободный день. А похороним мамку твою, стало быть, послезавтра. Ишь, как папаша твой храпит, по самое ничего пробирает!

– Простите, Леонид Максимович. Столько вам хлопот.

– Да ладно, ничего. Вся наша жизнь – сплошные хлопоты. Рождаемся – хлопочем, живем – хлопочем и умираем – тоже поневоле хлопочем. Слушай, я ведь так у твоего папаши и не спросил. Давно вы не виделись-то?

– Пять лет уже. Я ж вам рассказывала, помните? Он приехал, куклу привез. И так же удивлялся, что я уже большая. А бабушка его прогнала, так что мы толком и не виделись.

– Ничего себе. Так он, выходит, тебя девчонкой помнит? Хотя ты не особо изменилась, наверное.

– Почему? Я изменилась. Мне восемнадцать, а не тринадцать. Я уже взрослая, Леонид Максимович.

– Ну да. Я ж говорю, взрослее некуда. Ладно, ты отдыхай,

а я пойду посуду мыть. Еще и Юрка где-то пропал. Хотя он вроде говорил, что задержится, у них сегодня какая-то репетиция в школе. А какая – не помню. А может, у подружки своей засиделся, у Ленки Григорьевой. Плохой я отец, что и говорить.

– Вы замечательный отец, Леонид Максимович. И Юрка ваш мне очень понравился. А сколько ему?

– Да десять всего.

– Да? Мне показалось – больше.

– Мне тоже иногда кажется, что он совсем большой. А как мать похоронили, так совсем взрослый стал. Самостоятельный такой мужичок, себе на уме.

– Леонид Максимович, давайте я сама посуду помою? Заодно и расскажу, где я была и что сделать успела.

– Тогда пойдем на кухню. С посудой я сам разберусь, а ты будешь сидеть, чай пить и рассказывать. Договорились?

– Да, договорились.

– Вот и правильно. Скорбные разговоры всегда лучше чаем горячим запивать, так оно для сердца легче выходит. Похороны – дело тяжелое, хлопотное. Надо, чтоб на все сердца хватило.

Весь следующий день они ездили на машине Леонида Борисовича по инстанциям, занимались похоронами. Николай Петрович сидел на заднем сиденье, мял свои плоские шершавые ладони, будто не знал, куда их деть. Помалкивал, лишь иногда вскидывал глаза, когда машина проезжала по

знакомым ему местам. Однажды проговорил тихо:

– Надо же, как застроили все!.. Там раньше дом был, где я с матерью жил. Помнишь, дочка, бабушку Зинаиду? Хотя нет, не помнишь. Тебя к ней и не пускали никогда.

Марсель глянула на Леонида Максимовича, снова болезненно сморщилась. И ничего отцу не ответила. Ни про дом, где он раньше жил, ни про бабушку Зинаиду. Потом заплакала тихо, уткнувшись в ладони. Жалко было маму. И отца тоже было жалко.

А после похорон отец уехал. Как-то незаметно исчез. Встал из-за поминального стола, вышел на лестничную площадку покурить и исчез. Думали, по своим делам ушел и к вечеру вернется, но не вернулся. Утром Леонид Максимович набрал его домашний номер и, услышав знакомый голос, торопливо прикрыл дверь в гостиную, где спала Марсель.

– Николай Петрович, как же так получилось? Вы почему уехали? Вы же мне обещали, что Марсель какое-то время поживет у вас.

– Да ничего я вам не обещал. А может, и обещал, теперь и не вспомню. Голова-то пьяная была, дурная, чего с меня взять?

– Но как же так, Николай Петрович? Ведь обещали.

– Слушай, мил человек. Ты чего пристал ко мне, а? Вот скажи... Ты позвонил – я приехал, ведь так? С похоронами помог? Помог. Ну чего еще ты от меня хочешь, а?

– Но вы обещали... Что Марсель поживет у вас какое-то

время.

– Ну, может, и обещал сгоряча! А только куда я ее возьму, сам подумай? Нас и без того трое в однокомнатной. А как теща приезжает, так и четверо. Ей-богу же, смешно! У Мары своя квартира есть, квадратных метров – хоть разгуляйся, а я ей в своей клетушке разве что на потолке постелить смогу! Ну сам подумай, что говоришь? Зачем ей ко мне в стесненные условия, что за блажь?

– Это не блажь! Она боится в свою квартиру идти, я ж вам объяснял. И мне казалось, вы меня поняли. Я же просил – хотя бы на первое время.

– Ой, подумаешь, какие нежности, боится она! Да все бы так боялись – при такой хорошей жилплощади. Одна осталась в трехкомнатной, как принцесса, живи да радуйся!

– Она не может одна, Николай Петрович, как вы этого не понимаете? Да вы отец ей или кто?

– Отец, конечно. Я ж не отказываюсь. Позвонили – приехал, с похоронами помог. Чего еще-то?

– А может, вы со своей семьей сюда приедете? Ну, как бы в гости к дочери?

– Да какие гости, вы что? У меня же работа! Что, по-вашему, я на работе объяснять стану? Я ж не начальник, я простой работяга, слесарь Николай Петрович Иванов. Кто меня слушать станет? Не смешите. А Мара ничего, Мара привыкнет, уж вы не переживайте так. А с меня какой спрос? Я пролетарий, как говорила моя бывшая теща.

– Да. Я понимаю. Вставай, проклятьем заклеянный, весь мир голодных и рабов. Да...

– А-а-а... Вон оно, в чем дело! Значит, и вы уже в курсе, кто я таков? Ну, понятно.

– Простите, я не хотел вас обидеть.

Последнюю фразу Леонид Максимович проговорил уже на фоне коротких гудков, льющихся из телефонной трубки. Вздохнув, положил трубку на рычаг, стал смотреть в утреннее окно, подернутое дымкой сентябрьской мороси. Пора было готовить завтрак и собираться на очередное дежурство.

* * *

Прошла неделя, но Марсель по-прежнему обитала в квартире Леонида Максимовича. Ей и самой неловко было, и он чувствовал ее неловкость, и потому вопросов не задавал, был ровно приветлив и спокойно терпелив. Так терпят присутствие гостя, понимая, что когда-нибудь он все равно уедет. Тем более если гость изо всех сил старается не попадать хозяину на глаза без надобности. Тем более если обед всегда готов. И ужин. И Юрка присмотрен, вовремя разбужен и накормлен. Правда, дворовая общественность в лице бойких пенсионерок, заседающих с утра на лавочке у подъезда, этого странного подселения совсем не одобрила, и Леонид Максимович однажды слышал, замешкавшись перед выходом из подъезда, как они тихо судачили меж собою:

– Надо же, девка-то совсем молодая. Ребенок почти. А если она несовершеннолетняя? Совсем он с ума сошел, что ли? Нельзя ведь такое допускать, по закону не положено. Так и под суд загреметь можно. Вон, по телевизору про таких охотников до молодого тела все время рассказывают, а недавно показали одного – тоже человек вполне приличный. Да если б мы нашего Леонида Максимовича с хорошей стороны не знали, то надо было и сообщить куда следует. Но как сообщишь? Рука ведь не поднимется, чтобы телефонную трубку поднять.

– Да ладно, еще чего – сообщать... Не надо никуда сообщать. Он ведь вдовец, чего уж. Тем более два года за больной женой ухаживал.

– И что? С ума теперь сходить по молодым девкам? Нет, не ожидала я такого безобразия. И от кого, главное! От Леонида Максимовича! Такой уважаемый человек. Хирург.

Леонид Максимович хмыкнул про себя – этого еще не хватало. Конечно, на пересуды пенсионной общественности можно и внимания не обращать, а все равно – неприятно как-то царапнуло. Да и впрямь, пора прекратить это странное гостеприимство. Всех потерянных и зеленоглазых не обогреешь, а славу старика Козлодоева примешь ни за что ни про что. И поделом ему, поделом! Надо будет сегодня же с девчонкой поговорить. Или завтра.

Пока он собирался с духом, его сын Юра уже развел свою бурную деятельность в этом направлении, но только в об-

ратную сторону. Вообще, он как-то сразу нашел общий язык с нечаянной квартиранткой, быстро определил для себя отцовскую проблему и так же быстро приступил к ее разрешению.

– Слушай, Марсель. У меня к тебе предложение. Только не говори, что я еще маленький и ничего в жизни не понимаю, ладно? Обещаешь?

– Ну, обещаю. А что за предложение, Юр?

– Тебе надо с папой срочно жениться, Марсель.

– Что?! Что мне нужно сделать? Ты с ума сошел?

– Ну вот... Обещала же. Только что.

– Да ничего я тебе не обещала. Я ж не знала, что ты... Фу, прямо в краску вогнал.

– Да ты послушай сначала, потом красней. Что, просто послушать не можешь?

– Ну, послушать могу. Просто послушать, допустим.

– Ну да. Пока ты будешь допускать да в краску вгоняться, тетя Таня поднажмет и заставит папу жениться на ней, поняла?

– А кто это – тетя Таня?

– Это соседка наша, из пятнадцатой квартиры. Знаешь, как она старается? У нее, между прочим, никогда никакого мужа не было. Недавно встретила меня во дворе и настоящий допрос устроила, все про тебя выпытывала, что да как. Сама улыбается, а глаза злые. Мама ее не любила. А еще я слышал, как она по телефону кому-то от нас звонила. Снача-

ла хихикнула в трубку, а потом заговорила так сладко, будто ей шоколадку дали – от Соколовских, мол, звоню. Пришла его сына пасти, обедом кормить. Уж не знаю, мол, как ублажить мальчишку, чтобы его папаша наконец расшевелился.

Марсель засмеялась, а Юрка, польщенный ее смехом, прикрыл глаза и смешно надул губы, продолжая старательно изображать сладкий голос тети Тани:

– Ты же знаешь, Соколовский для меня вполне приличная партия. У нас даже квартиры рядом, только стену убрать.

Юрка вздохнул и помолчал многозначительно, давая понять, как серьезно обстоит дело. Потом соорудил злое ехидное лицо и вынес свой вердикт намерениям тети Тани:

– Размечалась, ага? Стену убрать. Щас! Еще и партией моего папу обозвала.

– Партия, Юр, это когда женщина выбирает себе мужа. Это просто выражение такое.

– Да знаю я! Только все равно неприятно – почему сразу партия? Партии – это когда выборы проходят и дядьки по телевизору орут и ругаются. Не хочу, чтобы мой папа был партией. Еще чего.

– И тетю Таню тоже не хочешь, да?

– Нет, не хочу. Говорю же, она старается, как наша отличница Ленка Григорьева. Потом на папе женится и сразу стараться перестанет, я же знаю. И будет на меня злиться. Так что надо тебе торопиться, понимаешь? Чтобы тетю Таню опередить.

– А я, ты полагаешь, злиться не буду?

– Ты?! Не-е-е... Ты не будешь. Ты не такая.

– А какая я?

– Ты прикольная. С тобой поговорить можно. И рассказать хоть что можно. А еще ты не старая и партию себе не ищешь. Вот скажи, сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– А мне – десять! Всего-то восемь лет разницы! Классно же!

– Да почему классно? Наоборот. Я по возрасту совсем тебе в матери не гожусь!

– По возрасту – это да. Получается, если бы ты была моей настоящей мамой, ты бы меня в восемь лет родила. Правда, ерунда какая-то.

– Ну, вот видишь.

– Хм... Представляю. Это как Ленка Григорьева, к примеру, сейчас взяла бы и родила. Вот бы смешно было.

– А тебе Ленка Григорьева нравится, да?

– Ой, вот еще! С чего ты взяла?

– Да с того. Ты каждую проблему на Ленку Григорьеву сводишь.

– Ну, вообще-то ты права. От тебя скрывать не буду, нравится мне Ленка. Хотя об этом – потом. И вообще, что ты мне зубы заговариваешь?

– Да это ты мне зубы заговариваешь, в краску меня вгоняешь!

– Нет, ты!

– Ладно, Юрка, не будем спорить. Мы ведь решили, что в матери я тебе не гожусь.

– Кто решил? Я, например, ничего такого не решал. А мы давай вот что сделаем, я придумал! Мы никому не станем говорить, что тебе всего восемнадцать. Скажем, что тебе... Тебе...

Юрка старательно поднял глаза к потолку, пошевелил губами, подсчитывая что-то в уме. Потом глянул на Марсель, спросил задумчиво:

– А во сколько лет можно детей рожать?

– Ну, это у кого как получается. Считается, что не раньше восемнадцати.

– Понятно. Значит, восемнадцать да десять. Ага. Значит, мы всем будем говорить, что тебе уже двадцать восемь. Нормально?

– Да отвяжись. Чего пристал? Вон, опять я покраснела.

– Ничего, ты только красивее становишься, когда краснеешь. Значит, представь, что тебе двадцать восемь. Хотя не знаю, сомнительно как-то, не поверят же.

Юрка снова уставился на нее оценивающе, слегка нахмурив белесые брови. Потом вздохнул, вяло махнул рукой:

– Ладно, пусть будет двадцать пять. Тоже нормально-приблизительно. Я бы сказал, очень приблизительно. А что делать, на двадцать восемь ты все равно не тянешь...

– Юрка, прекрати. Я ж не Ленка Григорьева, чтобы со

мною так фамильярничать. И вообще, давай прекратим этот бессмысленный разговор.

– Ничего себе! Это с какого перепугу он бессмысленный?

– Да с такого! Потому что я сама не знаю, с какого...

– Так и скажи, что сама не знаешь. А то – бессмысленный.

И вообще, я не понял?! Ты замуж за моего папу хочешь или нет? Если честно?

– Если честно, говоришь? Хм... Даже не знаю, как сказать, Юрка...

Марсель неловко улыбнулась и втянула в себя воздух, будто собиралась с духом. Потом проговорила вполне уверенно:

– Хочу, да! Просто в этом признаться трудно, потому что я еще никому и никогда ни в чем таком не признавалась. Но если и впрямь быть честной... Да, лучше твоего папы для меня никого нет на всем белом свете. Я даже домой от вас уйти не могу, хотя знаю, что давно надо. Не могу себя заставить. Я уйду, а вдруг больше повода не будет, чтобы вернуться? Такие вот дела, Юрка. И сама не думала, что все это вслух произнесу.

– Ну и зря! Надо было сразу сказать! А то сидела, морочила мне голову.

– Это я тебе могу сказать, Юрка. А ему – никогда.

– Почему?

– Боюсь.

– Ладно, я сам с ним вечером поговорю. Не думал, что ты такая трусиха.

– Юрка, не вздумай! Ты что!

– Тогда сама.

– Нет, нет! То есть да... Только не сегодня, ладно?

– А когда? Завтра?

– Нет...

– Понятно. Значит, никогда и не скажешь. Опять покраснеешь, застесняешься. Ладно, я все про тебя понял. И не спорь! Сегодня же с папой поговорю, чего тянуть-то!

– Ой... Только не сегодня, Юрка.

– Да почему?! Опять ты трусишь?

– Ну... Он сегодня поздно придет. И наверняка уставший после дежурства. Да ты и сам в это время спать будешь.

– Ничего, я дождусь. Только ты мне не мешай, ладно? Лежи тихонько на своем диване и делай вид, что спишь. Поняла?

– Может, не надо, Юрка?

– Надо. Все, я пошел уроки делать. С математикой мне поможешь, как в прошлый раз?

– Да, конечно.

– Ты классно все объясняешь, я тебя лучше нашей математички понимаю. И вообще, я привыкнуть к тебе успел.

– Так быстро?

– Да нормально. Мне хватило. В общем, будешь моей мамкой, никуда не денешься. Ты ведь не против?

– Да ничуть не против. А только. Может, не надо так торопиться? Вдруг Леонид Максимович рассердится на тебя,

а меня сразу выгонит?

– Да не выгонит!

– Ой, Юрка... Мне страшно. А вдруг и в самом деле выгонит? Я не представляю себе, как буду жить. Я так привязалась к нему.

– Э, что за слово такое – привязалась? Говори правильно.

– А как правильно?

– Сама не знаешь, что ли? Не привязалась, а полюбила.

Ведь так?

– Да, Юрка, так. Ты прав. Полюбила. Поэтому и боюсь.

– Ладно, не трусь. Давай доживем до вечера, а там видно будет.

Больше они к этому разговору не возвращались. В одиннадцатый Марсель, как обычно, шмыгнула на свой диван в гостиной, свернулась под одеялом калачиком. Уснуть даже не пыталась – какой сон? Ждала, когда хлопнет дверь в прихожей, ругала себя, на чем свет стоит – зачем пошла на поводу у мальчишки? А вдруг Леонид Максимович и впрямь рассердится и выгонит ее прямо в ночь? А главное, это такой ужас будет, если выгонит!

Около двенадцати ключ наконец задвигался в замочной скважине. Звук был едва слышный, но ей показалось, будто камни с горы падают. Марсель напряглась еще больше, чувствуя, как побежал по солнечному сплетению страх, словно змейка. Щекотно и неприятно. А еще говорят, в такие моменты бабочки в животе летают... Какие еще бабочки! При-

думают же...

Услышала, как Леонид Максимович тихо шагнул на кухню, включил свет, громыхнул сковородой по плите, чертыхнулся досадно. Потом по коридору в сторону кухни прошлепали босые Юркины ноги. Ну все... Вот и конец пришел и змейкам, и бабочкам... Еще и Юрка дверь на кухню плотно закрыл, не слышно ничего, одно сплошное бу-бу-бу, бу-бу-бу! А потом...

Потом Леонид Максимович рассмеялся, Марсель это вполне отчетливо услышала. Может, дверь сама чуть приоткрылась от сквозняка, может, Юрка ее сам открыл. И голоса тоже очень четко слышны стали.

– ...Иди спать, говорю. Тоже мне, сваха выискалась... Значит, отцовскую судьбу решил устроить, да?

– Пап, а чего такого-то? Все правильно я решил... У меня что, своего голоса в этом вопросе быть не может?

– Голоса, говоришь? Хм. А может, мы вообще демократию с выборами устроим, а? Соберем голоса всех заинтересованных в судьбе твоего отца. Урну для бюллетеней в доме поставим, комиссию предвыборную создадим – ты да я, да мы с тобой. Смешно, правда? Нет, это ж надо такое придумать! Право голоса у него! Надо же!

– Ну пап?!

– Все, иди спать, я сказал! Полуночник. Уроки-то хоть сделал?

– Сделал, сделал. Мне Марсель помогла. Знаешь, какая

она умная? Лучше любой учительницы математику просекает.

– И потому ты решил, что она должна здесь поселиться навсегда и навеки? Для твоего удобства, да? А что она еще должна, огласи весь список, пожалуйста!

– Пап, ну чего ты злишься? Что я такого сказал, не понимаю? Я ж, наоборот, больше о тебе беспокоюсь, чем о себе. Она же не просто так у нас поселится, пап... Она же за тебя замуж выйдет... Между прочим, она...

– Все, иди! Не зли меня, ради бога! Какой же ты олух царя небесного растешь, Юрка, честное слово. Распоряжаешься судьбами, будто в морской бой играешь. Я думал, ты у меня взрослее. Все, иди, устал я, как собака, не соображаю ничего. Дай поесть спокойно.

– А котлетки, между прочим, тоже Марсель делала. Вкусные котлетки, правда?

– Иди, говорю! Иначе по шее получишь. Дверь за собой закрой. И чтоб по коридору – на цыпочках, понял? Не разбуди... Никого...

Юрка прошлепал к себе в комнату, даже в гостиную не заглянул. И хорошо, что не заглянул. Чего заглядывать-то? О чем говорить? Все и без того ясно. Уже из этого «не разбуди никого» все ясно. Значит, это она, Марсель, и есть никто. Пустое место, надоедливая гостья на диване в гостиной.

Она хотела было заплакать, но все внутри вдруг восстало против такого решения, и слезы мигом куда-то делись, и

змейка убежала из солнечного сплетения. И мысли в голове побежали тоже вполне решительные и «восставшие». Потрогала пылающие щеки, провела пальцем по губам. Представила себе, что сейчас Леонид Максимович выйдет из кухни... А ведь в спальню надо мимо дверей гостиной идти... Может, включить ночник и дать ему понять, что она и не думала засыпать? И что она есть, и что его обидные слова «не разбуди никого» вовсе к ней не относятся? Или ночник – это слишком откровенно и вызывающе?

Дверь на кухню снова открылась, и Леонид Максимович прошел на цыпочках мимо дверей, не заглянул даже. Все понятно. Значит, все-таки «не разбуди никого». Никого, глупая девчонка, понимаешь ты это или нет? Ни-ко-го...

Ну уж нет! Она все ему скажет, и будь что будет! И даже не скажет, а... Просто придет. Так, как приходит ночью женщина к мужчине. Или наоборот. Какая разница? Разве именно это важно, кто и к кому первым придет? Немного страшновато, но ведь всегда в первый раз бывает страшновато. И это ничего, это хорошо даже. Она ж не виновата, что у нее женской смелости в этом вопросе пока нет. Наверное, всему свое время. А пока пусть будет страх вместо смелости.

Соскользнула с дивана, нащупала лежащую на кресле рубашку-ковбойку, нервно сжала в руках. Надеть? Или не надо? Нет, лучше надеть. Просто на плечи накинуть, не застегивая пуговиц. Пусть он увидит, какой у нее живот, ровный и гладкий. И ноги. И грудь. Хотя грудь лучше прикрыть, на-

верное.

Пока шла на цыпочках по гостиной, потом по коридору в сторону спальни, страх испарился сам собой. Она и сама не понимала, откуда взялась такая мгновенная решительность. Наглость, можно сказать. Скорее всего, это и не решительность была, и уж конечно не наглость, а что-то другое, более значительное. Наверное, та самая женская смелость и уверенность в том, что так надо. Наверное, в каждой женщине когда-то просыпается женщина и начинает диктовать свои правила. Тем более если женщине нужно остаться... Очень нужно, и все. Позарез. Потому что ей страшно. А еще нужно прикрыться от холодного мира. Тем более когда это прикрытие такое теплое, такое сердечное и желанное. И может спасти от страха одиночества. Иногда инстинкт самосохранения и страх одиночества идут рука об руку и творят чудеса с юными скромными девицами.

Леонид Максимович лежал на одной половине двуспальной кровати, повернувшись к двери спиной. Марсель успела по-кошачьи прыгнуть на вторую половину, пока он удивленно поворачивал голову. Увидел ее, хотел было сесть, но она не дала ему этого сделать – быстро обвила шею руками, прижалась всем телом, зашептала в ухо что-то невразумительно горячее, и он с перепугу не расслышал ни одного слова, только моргал в темноту, пытаясь отодрать от шеи ее руки. Но это было не так-то просто сделать – Марсель вцепилась в него мертвой хваткой, тоже с перепугу, наверное.

Наконец он расслышал, что она бормочет, горячо и отрывисто, будто в бреду:

– Не гоните меня, пожалуйста... Пожалуйста... Я не хочу от вас уходить... Возьмите меня замуж... Я буду вам хорошей женой... Пожалуйста, пожалуйста...

– Марсель! Опомнись, дурочка, ты что творишь? С ума сошла, что ли? Отпусти, ты меня задушишь! Немедленно иди к себе, слышишь?

– Нет, нет...

– А я говорю – отпусти! Ты вообще соображаешь, что творишь? Что ты себе придумала, дурочка? Какой замуж? Это невозможно, ты что! Я просто тебя пожалел, и все. Понимаешь? Просто пожалел. Просто помог в трудную минуту. Просто по-человечески. И не надо ничего другого придумывать, поняла?

– Да, я знаю, вы добрый. Вы очень добрый... – еще сильнее прижалась к нему Марсель и всхлипнула тихо, но не заплакала, а продолжала бормотать горячим нервным шепотом: – Не гоните меня, пожалуйста! Я буду вам хорошей женой. Самой лучшей, я обещаю! Я люблю вас, Леонид Максимович! Люблю!

– Да когда ты успела влюбиться-то, сама подумай! Какая любовь, какой замуж? Ну ладно, все, отпусти. Ладно, давай поговорим, я тебе объясню... Отпусти, Марсель! Сядь и успокойся. Да, вот так... Подушку под спину подоткни и сиди спокойно, и слушай меня. И не реви, я тебя умоляю!

– Я не реву.

– Вот и не реви. Лучше пораскинь мозгами – что ты себе за чушь такую придумала?

– Это вовсе не чушь.

– Нет, чушь! Ну какой я тебе жених, какой муж, ты изображаешь хоть немного? Мне пятьдесят два года, а тебе восемнадцать! И я для тебя никакой ценности не представляю, ни романтической, ни материальной. Ладно бы, олигархом был. Еще можно как-то понять. Но я не олигарх! Я рядовой хирург из онкодиспансера, у меня ни денег, ни загородного дома нет, ни дорогой машины! Я уже семь лет на старой «Ниве» езжу!

– При чем тут какая-то «Нива», Леонид Максимович... Я же объясняю – я просто люблю вас, и все... И не нужен мне никакой олигарх...

– О господи! Да как еще говорить-то с тобой, чтобы не обидеть? Черт его знает. Сроду в такой дурацкой ситуации не был! Не зря говорят – не лезь со своим добром, куда не надо, иначе неприятностей не оберешься.

– Не надо так со мной разговаривать, Леонид Максимович, пожалуйста. Я вовсе не хочу быть для вас неприятностью, я просто хочу любить вас, и все. И всегда быть рядом. Я люблю вас!

– Ну, заладила. Люблю, люблю. Ну что, что ты себе придумала? Не знаю я, как тебе еще объяснять... Слов нет... Давай хоть на «ты» перейдем, что ли? Может, тебе так по-

нятнее будет?

– Значит, мне можно тебя Леней звать, да?

– Ну, Леней зови, как хочешь. Хоть горшком. Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? Ты понимаешь, что я тебе не пара? Да, я знаю, как тебе трудно сейчас... Но это пройдет, поверь мне. Через месяц-другой легче станет.

– Я тебя не разлюблю ни через месяц, ни через другой. Я тебя никогда не разлюблю.

– Это тебе так сейчас кажется, а потом... Сейчас ты просто за меня цепляешься, как за соломинку, только и всего. Пригелась в тепле и цепляешься коготками. Но все шторма когда-нибудь кончатся, и будет полный штиль, поверь мне. Пусть время пройдет, Марсель. И будет у тебя свое тепло, собственное, и за чужое не надо будет цепляться. Да, пусть время пройдет... Если хочешь, живи здесь, я тебя не гоню. Но только сама по себе, а я сам по себе.

– Нет! Я с тобой хочу жить. С тобой, понимаешь? Чтобы ты рядом был ночью и днем. Хочу засыпать с тобой и просыпаться с тобой. У тебя такие теплые руки... Мне никого, никого больше не надо, мне так хорошо рядом с тобой. И чтобы ты меня обнимал, крепко-крепко...

Она снова потянулась к нему, неловко пытаясь сбросить с плеч рубашку, обвила руками, сунулась в шею, в щеку, как слепой котенок. Леонид Максимович вздохнул прерывисто, проговорил с хрипотцой:

– Вот ненормальная. Что ж ты творишь-то, а? Я ведь жи-

вой человек, между прочим...

– Не гони меня, пожалуйста... Не гони...

Он вдруг ясно разглядел в темноте ее глаза. Огромные, прозрачно-зеленые, как морская вода ранним утром. Не было в этих глазах ни капли лжи, только мольба и слезы. Да разве может устоять хоть один мало-мальский мужик, если его затащит в такие глаза? Всей сутью затащит, сердцем и головой, всей мужской сермяжной природой. И неважно, сколько ему лет и что кричит в этот момент его мужская совесть. И пусть господь ему простит этот грех.

Потом Марсель лежала, удобно устроив голову у него на груди, и тихо улыбалась в темноту. Вздыхнув, спросила ослабленно:

– Чего ты молчишь? Скажи что-нибудь.

– Да я, если честно, вообще уже ничего не понимаю. Ты бы хоть предупредила, что у тебя это в первый раз. А то у меня такое чувство, будто я подлый ворюга и нагло украл драгоценность.

– Ой, подумаешь, драгоценность! Будем считать, что я сама тебе ее подарила. И ты ужасно рад! Ведь рад, правда?

– Говорю же – не знаю. Странное у меня чувство. И ты тоже – странная девушка. Предложила себя первому встречному.

– Ты не первый встречный, ты мой любимый. И вовсе я не странная, я самая обыкновенная.

– Странная, странная. И имя у тебя странное – Марсель.

– Нет, а чего ты к имени моему привязался, а? Не нравится – называй как хочешь. Хоть горшком, как ты говоришь.

– Да нет... Я уже привык. Пусть будет Марсель. Спасибо, что не Лолита. Иначе бы совсем себя чувствовал, как этот... Как бишь его, забыл...

– Гумберт Гумберт?

– А ты что, «Лолиту» читала?

– Ну да... Я много чего читала. Я вообще долго жила книжной жизнью, никак взрослеть не хотела и в реальный мир входить. Отсюда, наверное, все мои странности. У меня даже друзей настоящих не было. Да и сейчас почти нет. Оказалось, в трудную минуту и помочь некому.

– А как так получилось, Марсель? Вроде книжная жизнь хорошей дружбе не мешает?

– Как получилось, так получилось. Это надо было мою бабушку знать. Да разве она подпустила бы ко мне хоть кого-нибудь? А книги... Книгу ведь плохим словом не обругаешь и из дома не выгонишь. Книга всегда с тобой. Да, я много читала. Наверное, так я от бабушкиного террора спасалась.

– Так уж и от террора?

– Да. Ты же не знаешь... Это настоящий был террор, сто-процентный. Знаешь, как она маму изводила? У-у-у...

– А за что?

– Да ни за что! За то, что не исполнила ожиданий. За то, что замуж вышла не за принца, а за слесаря Иванова. Что

по специальности работать не стала. Мама ведь университет закончила, филологом по диплому числилась, а работала закройщицей в ателье. Нравилось ей кроить и шить, и получалось у нее прекрасно, это ведь тоже талант надо иметь. А бабушка ее пилила, пилила целыми днями. Потом еще и папу выгнала! А он маму любил, он бы сам не ушел. Он ей так предан был, на руках носил. По крайней мере, мне так мама рассказывала.

– А почему мама не ушла вместе с папой?

– Не знаю. Не решилась, наверное. Бабушка тогда заболела сильно. А может, просто прикидывалась, чтобы маму около себя удержать. Папа ее звал, но мама не решилась бабушку оставить. Понимаешь, она и без того с детства подавленная была, безответная. И папа не мог ее защитить. Да ты и сам видел, какой он боец.

– Да, видел. А ты, значит, не позволила себя подавить?

– А бабушка меня и не трогала особо. Маму изводила, как могла, а меня не трогала.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, достать меня не могла.

– Откуда достать? Ты что, пряталась?

– Можно и так сказать. А вообще, это ощущение нельзя объяснить словами.

– А ты попробуй.

– Нет. Наверное, ты смеяться будешь.

– Не буду, честное слово!

– А тебе и правда интересно?

– Теперь – да. Куда ж я теперь денусь от интереса. Сама же все сделала так, чтобы мне интересно стало.

Марсель подняла голову, посмотрела на него сердито. Потом подвинулась к спинке кровати, забросила за спину подушку, шмыгнула носом, как ребенок.

– Обиделась, что ли?

– Да, обиделась.

– Не обижайся. Привыкай, что я мужик не шибко романтический. Но если и впрямь обидел – извини. Мне ведь тоже к новым обстоятельствам привыкать надо.

– Получается, что я тебе навязалась!

– Ну ладно, ладно, не навязалась. Я сам тебя коварно соблазнил и воспользовался твоей девичьей наивностью. Пусть будет так, как тебе больше нравится, договорились? Не обижайся.

– Ладно, не буду.

– Так что там ты говорила про ощущение? Почему тебя не могла бабушка достать?

– Да, это особое ощущение было. Когда она пыталась что-то истерически требовать, у меня. Как бы это сказать? Будто ладони над головой прикрывались. Помнишь, как в сказке про Дюймовочку? Цветок закрывал ее своими лепестками. Только у меня были не лепестки, а большие ладони.

– Ладони? Чьи ладони?

– Не знаю. Наверное, того самого дядьки из поезда. Пом-

нишь, я тебе рассказывала, что мама меня в поезде родила, а роды принял мужчина по имени Марсель?

– Ну, помню... И что? Этот Марсель давно забыл про свою помощь, вышел из поезда и забыл. А ты. Экая ты впечатлительная, однако.

– Да ты не понимаешь! Я думаю, что не зря все так произошло! Наверное, этот Марсель был вовсе не Марсель, а настоящий ангел-хранитель. Мама же не зря говорила, что он неизвестно откуда взялся! Вроде как с верхней полки спрыгнул, а может, вовсе и не с верхней полки. Наверное, это был знак.

– М-м-м... Я ж говорю, ты впечатлительная.

– А еще мама рассказывала, что он все время повторял слово «джан», – не обращая внимания на его насмешливый тон, продолжала свой рассказ Марсель, – только у него получалось не грубо, а очень мягко – «джян, джян».

– Да ничего удивительного, у восточных народов это обычное разговорное обращение. Джан – значит, дорогой, уважаемый.

– Да я знаю, – поморщившись, отмахнулась Марсель. – И все равно он был какой-то необычный. И ладони у него тряслись, когда в руках меня держал.

– Да уж затрясутся тут. Хоть у кого бы затряслись.

– Мама говорила, у него были очень большие ладони. Она почему-то навсегда запомнила его ладони. Потому и у меня этот образ четко сложился – если мне плохо, я будто снова

падаю в эти ладони, как тогда. И они закрываются ковшиком. А я внутри, как в домике. Это значит, плохое меня не достанет, потому что я в домике, в домике!

– О! Я смотрю, ты не только впечатлительная особа, но еще и большая выдумщица. Сама себе придумала домик и в нем укрываешься.

– Не знаю. Может, и выдумщица. Но ведь помогает же. Я же чувствую, что мне в этом ковшике ладоней хорошо и уютно. А у мамы такого ковшика не было, бабушка ее сильно доставала. Я думаю, это она ее с собой на тот свет утащила. Скучно ей там. Доставать некого. Жалко маму.

Марсель шмыгнула носом, пискнула тихо, как мышь, и Леонид Максимович торопливо сел на постели, притянул ее к себе, сжал в руках крепко:

– Ну, не плачь. Конечно, жалко маму. Но ничего не поделаешь, надо смириться. Не плачь...

– Ты меня успокаиваешь, как ребенка!

– Хорошо, не буду, как ребенка. Буду успокаивать, как взрослую. Не плачь... Лучше расскажи еще что-нибудь о себе.

– А тебе и впрямь интересно?

– Да. Интересно. Рассказывай.

– А про что?

– Да мне все равно.

– Хочешь, расскажу, как бабушка умерла?

– Давай про бабушку. Только не плачь, ладно?

– Да не буду я плакать. А знаешь, бабушка ведь не своей смертью умерла, ее сосед убил.

– Ну да?.. Прямо вот так взял и убил?

– Ага... Он к себе в квартиру ломился, пьяный был, а жена не открывала. Ну, бабушка и выскочила на лестничную клетку, начала ему декларировать, кто он такой есть и как безобразно себя ведет. Мама пыталась ее вразумить – зачем, мол, вусмерть пьяного человека провоцировать, давай милицию вызовем. Но разве бабушку остановишь? Она же считала, что любого может на место поставить, ее в округе все побаивались. А сосед очень пьяный был. Взял и толкнул ее с лестницы, да так, что она головой о ступеньку ударилась. Потом суд признал, что он в состоянии аффекта был, то есть не соображал ничего. А бабушка, вроде того, сама виновата, не надо было под руку лезть. Мол, чистая провокация. Еще и удивлялись, как это пенсионерка так неосмотрительно поступила. Но это они просто бабушку не знали, ага! Вся ее жизнь была – чистая провокация. И мы с мамой оказались жертвами этой провокации, подопытными кроликами.

Марсель снова всхлипнула, уткнувшись Леониду Максимовичу в плечо. Он осторожно гладил ее рукой по затылку, приговаривая тихо:

– Ну-ну... Не плачь... Мара ты моя... Марсель, Марселина, Марсельеза...

– Хм, как смешно ты меня назвал. Марсельеза. Знаешь, мне кажется, что твои ладони похожи на те самые... Будто

я тоже в домике и мне ничего не страшно. Мне так хорошо, так спокойно. Я буду тебе хорошей женой, вот увидишь.

– Домик из ладоней – это слишком мало, чтобы выйти замуж, Марсель. Замуж по любви выходят, а ты еще никого полюбить не успела.

– Успела! Я тебя люблю! Правда, люблю! Почему ты мне не веришь? И замуж за тебя я очень, очень хочу. Я пропаду без тебя. Пожалуйста... Пожалуйста...

– О господи, вот же напасть. Ладно, черт с тобой. Оформим отношения, но только давай договоримся на берегу, что ты вроде как свободна! Если полюбишь кого, я удерживать не стану! Ты свободна, поняла?

– Я никого не полюблю, я тебя люблю.

– Ну, какие твои годы... Сегодня любишь, а завтра от горя оправишься, сил наберешься, перышки почистишь и улетишь.

– Я не улечу. Я тебе дочку рожу. Хочешь?

– Нет, не хочу.

Марсель подняла голову, глянула на него со страхом, и Леонид Максимович тут же поспешил объяснить свою резкую категоричность:

– Эта тема будет закрыта, Марсель. Я три года назад сделал стерилизацию. Не сможешь ты мне дочку родить.

– Ой... А зачем ты?..

– Так надо было. Жена моя, Маруся, тогда болела уже, нельзя ей было беременеть. Вот я и взял на себя ответствен-

ность. Да и вообще... Работа у меня такая, знаешь ли... Мы, медики, к вопросу снятия стресса гораздо проще относимся, во время ночных дежурств по-всякому может быть. Ну и, чтобы без ненужных сюрпризов, сама понимаешь.

– Нет, не понимаю. Я тебе покажу – по-всякому может быть! У тебя жена молодая, понял ты это или нет? Чтоб никакого снятия стрессов, понял? Домой приходи и снимай свой стресс, сколько влезет.

– Ух ты... Какой голосок-то у нас прорезался, надо же. Командирский! – удивленно рассмеялся Леонид Максимович.

– Так понял или нет? – снова строго спросила Марсель.

– Да понял, понял. С трудом, но понял. Никакого снятия стрессов в рабочее время мне больше не полагается, потому что меня молодая жена дома ждет, к тому же умница и красавица.

– Да. Так и есть.

– А еще у нее тонкая романтическая натура...

– Да.

– И имя странное – Марсель.

– Да.

– И моей жене надо начинать готовиться к экзаменам в институт. Насколько я помню, ты мечтала о медицинском?

– Да...

Тогда я завтра запишу тебя на подготовительные курсы, у меня там знакомые есть. А еще завтра мы с тобой до загса добежим, подадим заявление. Замуж так замуж, поняла?

– Да! – счастливо засмеялась Марсель, снова уткнувшись ему в плечо. – Если б ты знал, как мне хорошо сейчас. Я будто снова родилась и падаю в ковшик больших и теплых ладоней. Твоих ладоней. Я буду тебе хорошей женой, сам увидишь.

Часть II

– Мам, ты дома? М-а-а-а-м!

Марсель проснулась, подняла с подушки голову, пытается понять, приснился ей Юркин голос или нет. Все-таки приснился, наверное. Все-таки предыдущая бессонная ночь перед экзаменом дала о себе знать, уже и не поймешь, где сон, а где явь. Зато экзамен был последний в эту сессию. Героический экзамен, можно сказать. И сама она – героическая студентка. Второй курс медицинского за плечами остался, и ни одного завала. Хотя, если честно признаться. Если бы не мужнино любящее руководство и покровительство.

– М-а-а-а-м?! Ты дома или нет? Выгляни в окно, мам!

Точно, Юрка. Из школы пришел, наверное. Только зачем орать под окном на всю улицу? Обрадовался, что школьный год закончился и каникулы начались?

Марсель выглянула в окно – Юрка стоял на газоне, бросив портфель и радостно размахивая руками. Рядом с ним, конечно же, Ленка Григорьева, верная подруга. Руками не размахивает, не улыбается и не подпрыгивает, твердо на земле стоит. Кажется, будто снисходительность проявляет к Юркиному подпрыгиванию. Даже немного обидно за Юрку стало. Нет, а чего такая снисходительная-то, подруга верная? Не нравится тебе, как Юрка подпрыгивает, иди домой, не стой на нашем газоне.

Поймав себя на этой слегка недовольной мысли, Марсель тут же и прикрыла ее приветливым в Ленкину сторону кивком. Действительно – при чем тут ее недовольство? Если Юрке такая дружба нравится. Тем более за Юркиной спиной маячит еще какой-то незнакомый мальчишка, крупный, смуглый, в белой рубашке с распахнутым воротом. Такой безупречно белой, что смотрится как вызов на фоне Юркиной в красно-синюю клеточку. Откуда этот мальчишка взялся, интересно?

– Что, опять ключи дома забыл? – спросила Марсель, моргая все еще сонными глазами.

– Ага, мам. Сбрось, пожалуйста.

– Сейчас, погоди.

Ключи, конечно же, лежали на тумбочке в прихожей. Юрка был безалаберным в мелочах, как всякий подросток. Впрочем, не всякий. Наверняка Ленка Григорьева ключей дома не забывает. Непонятно только – почему из школы не домой к себе идет, а вечно за Юркой тащится?

Юрка поднял с газона брошенные ему ключи, прокричал упреждающе:

– Мы голодные, мам.

– Ну так... Понятное дело... – с улыбкой проворчала Марсель, отворачиваясь от окна и спеша на кухню.

И чем теперь кормить эту ораву? В холодильнике оставалось немного борща и котлеты, Юрке бы хватило... Но ничего не поделаешь, надо переключаться на новые обстоятель-

ства, соображать быстро и желательно без досады. Досада еще никому не помогла. Горячие бутерброды сделать, что ли? Огурчик-помидорчик на хлеб положить, зеленью сверху присыпать, потом кусочки сыра сверху бросить, и в микроволновку. Сыр по овощам растечется – красота. Не ахти какое блюдо, но голод утолить можно. И вообще, ей, как хозяйке-студентке, простительно – такая трудная нынче сессия выдалась в институте. И не в каком-нибудь, а медицинском. Одна латынь чего стоила, до сих пор трудные слова занозами в мозговых извилинах торчат! Потому и понятно, что хозяйственные дела пошли второй очередью. И для них свое время придет. Еще успеет и борща наварить, и котлет нажарить, и еще всякого разного какао с чаем.

Пока компания поднималась в квартиру, Марсель успела нарезать батон. Когда услышала ребячьи голоса, пошла в прихожую – еще раз поздороваться. По пути пригладила волосы, потерла глаза – спала-то всего ничего, как с экзамена пришла! Вся институтская группа на природу по случаю радостного события рванула, а она, примерная женушка, домой.

Ленка Григорьева стояла в прихожей гордой цаплей, ждала, когда Юрка поможет ей стянуть рюкзачок с плеч. Юрка ее ожидания не заметил, шагнул вперед, проговорил торопливо, указывая на смуглого мальчика:

– Мам, это Джаник. Он со следующего года в нашем классе учиться будет, его сегодня директриса привела, чтоб мы

заранее познакомились.

Смуглый Джаник глянул на нее очень серьезно и кивнул с достоинством. Глаза у него были большие, темно-карие, обрамленные длинными густыми ресницами. А над глазами – широкие брови вразлет. А еще Марсель заметила красиво вылепленный твердый рот, и подбородок тоже твердый, без детской пухлости. И челка надо лбом, как вороново крыло. Красавец, что сказать. Так и просились на язык слова из Омара Хайяма... О мальчик, поспеши, твой мир подобен сказке!..

– А это моя мама. Ее зовут Марсель. Классная, правда? – с торжеством в голосе представил ее Юрка и глянул на Джаника с гордостью счастливого обладателя, требуя немедленно подтверждения предъявленной взору «классности». Марсель даже смутилась немного – Юрка, Юрка! Словно дорогой вещь похвастался...

Джаник улыбнулся, соглашаясь с Юркиным торжеством. А Марсель опять страшно смутилась, махнула на Юрку рукой – да ну тебя. И произнесла торопливо, уходя на кухню:

– Мойте руки, сейчас я вас накормлю. Полноценного обеда точно не обещаю, но перекус гарантирую.

– Может, вам помочь? – вежливо спросила Ленка.

– Ну помоги... – обернувшись, пожалала плечами Марсель.

Через пять минут, нарезая на доске овощи аккуратными кубиками, Ленка переспросила недоверчиво:

– Разве горячие бутерброды со свежими огурцами дела-

ют? Я понимаю, когда помидоры. Ну ладно, сладкий перец... Но огурцы?

– А почему нельзя с огурцом, Лен? Что тебя смущает?

– Потому что это неправильно.

– А кто решил и постановил, что неправильно?

– Ну, не знаю... Конечно, никто не решил и не постановил, но моя мама так не делает, например. И я ни разу не видела, чтобы кто-то делал горячие бутерброды с огурцами.

– А я делаю. То, что ты ни разу такого не видела, еще не говорит о том, что это неправильно. Правильность и неправильность вообще понятия обтекаемые, иногда плавно переходящие друг в друга, разве ты этого никогда не замечала? В каждой избушке свои погремушки, у всякого человека свой вкус. Один любит есть холодные огурцы, другой – горячие.

– Хм... Ладно, не буду с вами спорить. Но все равно я останусь при своем мнении.

– Да пожалуйста, дорогая. На, теперь петрушку порежь и укроп. А я в холодильнике пошурю – где-то еще банка с каперсами была.

– А как вам наш новенький, Марсель? Понравился?

– Не знаю. Поживем – увидим. На первый взгляд вроде хороший мальчик.

– А на внешность как? По-моему, слишком красивый. Мужчина не должен быть очень красивым, это неправильно.

– Почему?

– Не знаю... Так моя мама говорит.

– По-моему, Леночка, тебе пора учиться иметь свое мнение, а не следовать маминому. И вообще, нехорошо обсуждать человека в его отсутствие, согласна?

– Да, согласна. Я порезала зелень, Марсель.

– Молодец... Давай сюда. Еще пять минут, и перекус будет готов. Иди приглашай мальчишек.

Юрка, как всегда, уплел свои бутерброды очень быстро, не переставая болтать без умолку. Ленка, поджав губы, выковыривала из расплавленного сыра кусочки огурцов и выкладывала на краешек тарелки. Справившись с обязательной задачей, принялась за факультативную, то есть за сами, собственно, бутерброды. Вот же какая девчонка, а? Занудно правильная. И почему ее к веселому разгильдю Юрке прибило? Наверное, Ленка намазывает Юркину веселость на свою правильность, как масло на хлеб, чтобы не есть ее всухомятку.

Джаник ел с молчаливым сосредоточенным достоинством. Можно сказать, с ярко выраженной благодарностью за хлеб насущный. Хороший мальчик. И взгляд у него серьезный. И лицо умное.

– Джаник, а ты раньше в другой школе учился, да? – спросила Марсель, подливая ему чаю.

– Да, в другой школе. И в другом городе. В Ереване.

– О, как далеко... Не жалко было свою школу бросать?

– Жалко, но что ж поделаешь. Понимаете, у папы здесь бизнес. И потому мы с мамой решили к нему приехать. Это

ведь нехорошо, что папа все время один.

– Да, это нехорошо. Это вы с мамой правильно решили.

– Да. И папа тоже так решил. Сказал, что мне лучше в русской школе учиться, чтобы язык не забыть. Папа ведь русский наполовину, у него мама, то есть моя бабушка, русская была. А мама всегда в Ереване жила. Она не очень хотела ехать сюда, если честно. Но папа не хотел в Ереван, и маме пришлось принять такое решение. Мужчина всегда должен быть главным в семье и стараться, чтобы его семья жила хорошо и счастливо. Ведь это правильно, как вы считаете?

– Безусловно. Как дважды два.

– Спасибо. И за вкусные бутерброды тоже спасибо. Вы хорошая хозяйка, а еще у вас душа добрая. И пусть ваш дом всегда будет счастливым и добрым.

– Ой, спасибо, Джаник. Ты очень хорошо говоришь, мне так приятно!..

– А еще вы очень красивая. И глаза у вас красивые, как весенняя трава на солнышке. Необыкновенные глаза, я никогда таких не видел.

– Ой. Совсем ты меня смутил...

– У тебя тоже очень красивые глаза, Джаник! – вдруг подала ревнивый голос Ленка, и Марсель моргнула растерянно, будто и в самом деле была предметом Ленкиной ревности.

Джаник хотел что-то ответить, но Юрка ему не дал, проговорил весело:

– Ну что, перекусили? Тогда вперед? Времени-то мало

осталось, не забыли?

– Куда это вы торопитесь? – поинтересовалась Марсель, пожав плечами.

– За подарком, мам. У Володьки Семенова сегодня день рождения, он весь класс позвал на аттракционы. Сбор около парка Победы через час, а нам еще подарок надо купить. А потом мы все к Володьке пойдем, чай пить. Так что скоро меня домой не жди, я поздно приду!

– Да? Ну ладно. Тебе денег дать?

– Не, я у папы еще утром взял. К тебе даже не приставал, ты на экзамен убегала и поэтому не в себе была.

– Ну, так уж и не в себе.

– Точно-точно, не в себе. Даже глаза были не зелеными, а желтыми в крапинку. От испуга, наверное.

– Не сочиняй, Юрка.

– Ой, я даже не спросил!.. Ты сдала экзамен-то?

– А то. На пятерку, между прочим.

– Ну кто бы сомневался. Если бы не сдала, и глаза бы желтыми остались. А так – все в норме.

– Вот же выдумщик, а? Ладно, идите, а то и впрямь не успеете подарок купить. И ключи больше не забывай, пожалуйста.

Марсель потом стояла у окна, смотрела, как вся компания дружно шагает по двору в сторону арки. Юрка посередине, конечно же. Рассказывает что-то весело, машет руками, поворачивая головой вправо-влево. Вот и в арку вошли, скры-

лись из виду...

До вечера она слонялась по квартире, наслаждаясь бездельем. Наверное, у безделья бывает особый вкус, когда нервные заботы успешно разрешены и еще долго до забот следующих. Очень приятный вкус безделья, сладко заслуженный. «Здравствуй, свобода» называется. Хочу халву ем, хочу пряники.

Устроилась в кресле перед телевизором, собираясь посмотреть старую добрую комедию, и заснула нечаянно. И проснулась от мужниного громкого голоса из прихожей:

– Мара, ты дома? Эй! Марсель! Марселина. Марсельеза. Ты где?

– Да здесь я... – отозвалась Марсель, потягиваясь, – хотела фильм посмотреть, да заснула нечаянно. Я тебе звонила, кстати, но ты на операции был. Хотела пятеркой по фармакологии похвастаться. Представляешь, фармакологию на пятерку сдать, это ж уметь надо! Вот скажи, у тебя была пятерка по фармакологии, когда ты учился?

– Да ни в жизнь! Я вообще на втором курсе страшный разгильдйй был.

– Вот! А у меня пятерка! Умная я у тебя, да?

– Не то слово, Марсельеза.

– Не называй меня так, мне не нравится. Уже по-всякому мое несчастное имя переиначил, как мог. Скоро Мартышкой Ивановной назовешь, наверное.

– Так я ж любя, дурочка.

– Я знаю. И все равно не надо.

– А как называть тебя, как? – одним рывком Леня подхватил Марсель из кресла, закружил по комнате. – Как тебе нравится, скажи? Крошка моя? Пупсик? Зайка? Птенчик? Черепашка-ниндзя?

– Фу, дурачок... Остановись, у меня голова закружилась!

– Ой, дурачок я, дурачок! – прижал ее Леня к себе. – А главное, какой счастливый дурачок! Ай да Соколовский, ай да сукин сын! Не думал, не гадал, счастье само в руки свалилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.